

МАРИЯ КИРОВА

МОИ 1000 ЛЕТ
РАБСТВА
У ДЕМОНОВ

18+

18+

Мария Кирова

Мои 1000 лет рабства у демонов

<https://litres.ru/74187234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тысяча лет рабства. Шесть демонов-хозяев. Один контракт Алису похищают из обычного мира и продают Дому Шестерых как редкий источник силы. Её ждут жестокие ритуалы, опасное влечение, запретная близость и борьба за право остаться собой. Но сможет ли она уничтожить тех, кого должна ненавидеть, если среди них окажутся те, кого она полюбит?

ОСТОРОЖНО! В КНИГИ ПРИСУТСТВУЕТ МНОГО ПОСТЕЛЬНЫХ СЦЕН С ДЕМОНАМИ!

Содержание

Глава 1. Не та душа	4
Глава 2. Аукцион плоти	13
Глава 3. Дом Шестерых	24
Глава 4. Первые ночи	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мария Кирова

Мои 1000 лет

рабства у демонов

Глава 1. Не та душа

Через час меня выставят на аукцион. Через тысячу лет я потребую обратно не тело, а своё имя.

В тот вечер я возвращалась домой с недоеденным пирожным в пакете и раздражением на этот мокрый март. Через несколько минут меня уже оценят как товар.

Был конец марта: воскресенье, сырой ветер и мутные лужи во дворах. Я возвращалась от подруги через короткий проход между девятиэтажками, который мама терпеть не могла. В одной руке у меня был телефон, в другой – пакет с остатком пирожного, завёрнутым в салфетку. Ничего героического. Ничего такого, с чего начинаются легенды.

Я наступила в лужу почти по щиколотку и зло выругалась. Холодная вода затекла в кроссовок, а экран телефона мигнул от брызг.

– Да чтоб тебя, – прошипела я и подпрыгнула на одной ноге.

И в ту же секунду земля подо мной дрогнула.

Не так, как дрожит земля при проходящем грузовике. И не так, как в кино показывают землетрясения. Здесь не было предупреждения. Просто асфальт стал мягким, будто под тонкой серой коркой внезапно зашевелилось что-то живое.

Я замерла.

Сначала дрогнула лужа. По воде пошли круги, хотя ветер стих. Затем по мокрому асфальту побежали багровые жилы света, тонкие, как капилляры под кожей. Я шагнула назад, но свет уже замкнулся вокруг моих ног. Из щелей, которых секунду назад не существовало, выросли чёрные шипы – гладкие, изогнутые, блестящие от влаги, как рога у какой-то подземной твари.

Пахнуло серой.

Потом – горелым железом.

Потом – палёным мясом.

До той секунды ад для меня был фигурой речи. Неловким обозначением особенно плохого дня, слишком сырой весны, очередной ссоры с мамой или чужого предательства, которое почему-то случалось именно тогда, когда ты и так держишься из последних сил. Я жила в мире, где зло чаще пахло перегаром в подъезде, дешёвой мужской агрессией в автобусе и бессонницей перед сессией, чем серой или древними рунами. Поэтому, когда воздух во дворе стал плотнее, будто сквозь мартовскую ночь в него начали вдавливать другую реальность, мозг сначала не испугался, а обиделся. Это ведь невозможно. Нечестно. Никакая настоящая катастрофа

не должна начинаться между облупленной девятиэтажкой, лужей и пакетом с остатками пирожного.

А потом невозможное оказалось самым материальным из всего, что я когда-либо чувствовала. Холод воды в кроссовке был реальным. Липкая ручка пакета была реальной. Крошки сладкого крема на пальцах – тоже. Именно поэтому разлом в воздухе выглядел ещё страшнее: он не отменял мир, а накладывался поверх него, как вторая кожа. Двор оставался моим – и в то же время уже не был моим. Ржавые качели у песочницы, криво припаркованная машина у арки, жёлтый свет в окне на третьем этаже, где вечно кто-то курил, – всё это существовало, пока сквозь привычную реальность проступало что-то древнее, голодное и слишком уверенное в своём праве.

Позже, спустя века, я пойму одну вещь: настоящий ужас почти никогда не похож на громкую сцену из чужого фильма. Он приходит как ошибка интерфейса. Как сбой мира, в котором одна привычная деталь ещё на месте, а другая уже невозможна, и ты несколько секунд отчаянно пытаешься вернуть всё назад одной силой отрицания. Но в тот вечер у меня не было ни веков опыта, ни подходящих слов. Только мокрый март, белый столб фонаря и нарастающее чувство, что воздух вокруг меня начали переписывать набело – без спроса и без права на отмену.

Я выронила телефон.

Он ударился об асфальт и, кажется, треснул, но я уже не

смотрела. Передо мной раскрывалась щель – не в земле, а в воздухе. Она пульсировала, как рана. Внутри густо клубился багровый свет, в котором что-то шевелилось. Не пламя. Не дым. Что-то более вязкое, тягучее, почти плотное.

Я рванулась к ближайшему фонарному столбу и вцепилась в него двумя руками.

– Нет, нет, нет...

Шипы сомкнулись надо мной дугой.

Мир сделался глухим. Я перестала слышать двор, машины, чей-то телевизор из открытого окна. Остался только тяжёлый, ритмичный гул, как будто по ту сторону щели билось огромное сердце.

А потом меня потянуло.

Потянуло не за тело – глубже, будто за самую душу. Так вырывает из груди воздух, когда падаешь с высоты и не успеваешь вдохнуть. Пальцы соскользнули с металла. Я закричала, но звук словно утонул в багровой массе.

Последнее, что я помнила о своём мире, – белый свет фонаря над двором, крошки пирожного на мокрой салфетке и собственный телефон, лежавший треснувшим экраном вверх, как пустой глаз.

Потом был голос.

Низкий. Чужой. Не мужской и не женский – древний, как камень.

– Ошибка, – произнёс он, и я не знала языка, но поняла смысл. – Не та душа.

За первой репликой последовала пауза. Будто невидимый говорящий присматривался ко мне и принимал новое решение.

– Но кровь чистая. Мир нулевой. Цена вырастет.

Казалось, меня вывернуло наизнанку.

Я почувствовала себя картой, которую скомкали, потом расправили, а затем снова свернули, но уже по другой линии. Тело болело целиком. Каждая кость. Каждая жила. Даже кожа головы.

Я не помню, как потеряла сознание.

Наверное, это было милосердие.

Я очнулась не сразу.

Сначала пришёл холод – такой, от которого зубы не стучат, потому что даже на дрожь у тела нет сил. Потом пришёл запах: ладан, мокрый камень, воск и что-то сладкое, почти приторное, будто перезрелый плод раздавили о раскалённую плиту. И лишь потом до меня дошло, что я лежу на полу лицом вниз и ладонями чувствую шершавый камень, а не линолеум прихожей и не асфальт двора.

Я медленно открыла глаза.

Под моим лицом лежала чёрная плита, испещрённая красноватыми прожилками. Они тлели изнутри, как угли. В нескольких шагах горели свечи в высоких подсвечниках. Пламя оставалось неподвижным, хотя кожу обдувал холодный сквозняк. Чуть дальше поднимались ступени. Ещё дальше – тьма, густая, как бархат.

Я рывком перевернулась на спину и тут же зашипела от боли. Голова раскалывалась, словно виски сдавливало металлическим обручем. Надо мной был не потолок квартиры и не ночное небо. Каменный свод уходил вверх так высоко, что терялся в сумраке, а по его дуге медленно текли руны, налитые багровым светом.

Это был не сон.

Самое страшное – не красный свет, не запах серы и не немыслимый потолок. Самое страшное – мгновенное, животное знание: это реальность. Не галлюцинация. Не кома. Не кошмар, который можно переждать до будильника.

Я попыталась подняться и тут же услышала шаги.

Они были мягкими, неторопливыми. Так ходят те, кто не сомневается в праве подходить ближе.

– Очнулась, – произнёс кто-то сверху. Не вопрос, а констатация.

Я вскинула голову.

На ступенях стоял мужчина. Или существо, похожее на мужчину ровно настолько, чтобы человеческий мозг сперва ухватился за знакомый силуэт и лишь потом отказался верить деталям.

Он был высоким – слишком высоким, больше двух метров. Тонким в талии, широким в плечах. Длинные чёрные волосы спадали на грудь и спину. Кожа казалась почти белой, но не живой белизной, а той, какая бывает у мрамора в холодной тени. За его спиной были сложены огромные тём-

ные кожистые крылья с жёсткими, острыми, как ножи, суставами.

Но самым страшным были глаза.

Полностью чёрные. Без белков.

И в этой чёрноте – узкие алые зрачки.

Я попятилась, хотя сидела на полу и отступить было некогда.

– Кто вы? – Голос сорвался до хрипа.

Он чуть наклонил голову, будто разглядывал редкое насекомое.

– Поздний вопрос, смертная.

За его спиной из тьмы выступило второе существо – низкое, коренастое, в тяжёлом одеянии. В руках оно держало книгу в металлических застёжках. Металл был тёмным, а переплёт на вид напоминал кожу. Человеческую, если уж честно.

– Подтверждаю, – пробурчало оно, перелистывая страницы длинным когтем. – Случайный захват. Мир без магии. Возраст двадцать. Энергетический профиль не распакован. Следов прежней связи нет.

– Имя? – лениво уточнил крылатый.

– Алиса Сергеевна Волкова.

От того, как моё имя прозвучало здесь, меня пробрала дрожь сильнее любой боли. Значит, это было не похищение в тёмный подвал. Передо мной находилось нечто, способное добраться до самой ткани моей жизни.

– Где я? – спросила я уже тише.

Коренастый захлопнул книгу.

– В Тёмной Империи.

– Это бред.

Крылатый усмехнулся, обнажив клыки.

– Человеческий мозг всегда сначала называет ужас бредом. Привыкай.

Он спустился на две ступени ниже, и я только теперь увидела, что он не идёт, а будто скользит, едва касаясь ступеней. От него исходил жар, но пальцы, которыми он поднял мой подбородок, оказались ледяными.

– Смотри, – велел он.

Я не поняла, кому именно он это сказал. Но руны на потолке вспыхнули ярче, и между нами открылось нечто вроде прозрачного зеркала. В нём показался мой двор. Пустой. Мокрый. С полицейской машиной у арки. И мама. В куртке поверх халата, растрёпанная, маленькая. Она стояла под дождём рядом с треснувшим телефоном и смотрела по сторонам так, как смотрят только матери – будто одним взглядом пытаются вернуть ребёнка из пустоты.

Я рванулась к зеркалу.

Оно исчезло.

Тогда я ещё не знала: межмировые зеркала не показывали текущего мгновения. Они цеплялись за ближайшую устойчивую точку земной линии и могли показать её с опережением на несколько часов.

– Верните! – выкрикнула я, наконец находя силу для настоящего страха. – Верните меня домой!

Крылатый демон отпустил мой подбородок.

– Дома у тебя больше нет. По крайней мере, не сейчас.

В тишине, наступившей после этих слов, я впервые услышала не только мерное потрескивание свечей, но и чужое дыхание. Нас здесь было больше, чем трое.

Во тьме зала стояли ещё фигуры.

Много.

Наблюдали.

Ждали.

И от этого ожидания во мне медленно поднималась паника: не дикая, истерическая, а холодная, парализующая. Потому что я вдруг поняла: меня не случайно занесло в этот зал. Я здесь не гостя. Не пленница. Даже не добыча.

Я здесь товар. И у моего ужаса уже нашлись покупатели.

Глава 2. Аукцион плоти

Меня подняли на ноги, прежде чем я успела решить, сопротивляться или нет.

Две безликие тени выросли из полумрака по обе стороны. Руки у них были холодные, узкие, с лишними суставами. Они держали крепко, но не больно – так носят вазу, которую нельзя разбить до торга.

Зал, в котором я очнулась, оказался лишь преддверием. Когда створки впереди разошлись, я увидела сердце дворца. Тронный амфитеатр.

Он уходил вверх ярусами, как античный колизей, только всё здесь было создано не для людей. Ступени были слишком высокими, своды – слишком крутыми, колонны – слишком тонкими и длинными, будто архитектуру проектировал кто-то, не совсем понимавший, как устроено человеческое тело. Между арками горели факелы с синим пламенем. Внизу, в центре, возвышался круглый помост, обнесённый цепями из чёрного металла.

На ярусах сидели существа.

Сотни.

Одни выглядели почти как люди, если не считать глаз, кожи или рогов. Другие были чудовищами безо всяких оговорок: многорукие, костлявые, крылатые, украшенные металлическими масками и шипами с драгоценными вставками.

Некоторые смотрели на меня с жадным любопытством, некоторые – лениво, как на очередной спектакль, но кое-кто следил слишком пристально, оценивающе.

Я знала этот взгляд. Так смотрят на вещь, которую примеряют к своей жизни.

– Лот номер семь, – объявил знакомый коренастый демон, став у края помоста и раскрывая книгу. Его голос разнёсся под сводами без усилия. – Человеческая девушка, случайный захват, мир нулевой. Энергия чистая. Контракт нераспакованный. Стартовая цена – десять червонцев.

– Двадцать, – тут же отозвался кто-то слева.

– Тридцать.

– Пятьдесят.

Я стояла в центре круга и чувствовала, как меня начинает мутить. Не от страха. От унижения, такого плотного, что оно почти имело вес.

– Что за чертовщина? – прошептала я.

– Аукцион, – равнодушно ответила тень у моего плеча.

– Я не вещь.

– Это не вопрос цены, смертная. Это вопрос закона.

Ставки росли.

Я всё ещё не понимала ни ценности местной валюты, ни смысла происходящего, но уже уловила главное: никто здесь не сомневался, что меня можно купить. Система не учитывала моей воли. В ней просто не было для неё места.

– Сто! – крикнули сверху.

– Сто двадцать.

– Двести.

– Триста.

На слове «триста» в зале стало тише. Не потому, что сумма была чудовищной сама по себе – я этого не знала, – а потому, что голос принадлежал женщине.

Она поднялась с места в первом ярусе. Высокая, стройная, сереброволосая. Белая кожа, зелёные глаза, длинное платье цвета слоновой кости. В ней было что-то настолько безупречное, что совершенство начинало походить на угрозу.

– Веридис, – шепнул кто-то в рядах, и это имя пошло по залу, как ветер по сухой траве.

Женщина не смотрела на толпу. Только на меня.

Так хирург смотрит на участок тела перед первым разрезом.

– Пятьсот, – лениво прозвучал другой голос.

Я обернулась.

Крылатый демон, который первым заговорил со мной, развалился в кресле на противоположной стороне амфитеатра. Одну ногу он закинул на подлокотник. Крылья были собраны, как плащ. На губах – скушающая улыбка.

– Люциан, – снова прошелестело в зале.

Значит, имя у него всё-таки было.

– Шестьсот, – отозвался кто-то с балкона.

– Восемьсот, – сказал мужчина в чёрном, стоявший чуть в стороне от остальных.

На нём не было ни лат, ни плаща, ни тяжёлых украшений. Только тёмный костюм, словно он пришёл не в тронный зал ада, а на совет директоров. Волосы были убраны в низкий хвост. Один глаз – карий, второй – золотой. Его взгляд казался спокойным. Но это спокойствие было хуже жадности. за ним чувствовался расчёт.

– Тысяча, – добавил он.

– Кайрос, – сказала Веридис, и в её голосе впервые мелькнуло раздражение. – Ты поднимаешь цену без причины.

– Ошибаешься. Причина очевидна.

– Для тебя всё политика.

– Для тебя всё самолюбие, – беззлобно ответил он.

На дальней ступени, почти у самой стены, сидел ещё один. Невысокий, с короткими светлыми волосами и ножом, которым он лениво чертил линии по подлокотнику. Он не делал ставок, только наблюдал. Взгляд у него был неприятный – не жадный и не похотливый. Внимательный, как у палача, который привык сначала оценивать, а уже потом выбирать оружие.

Под одной из арок стоял высокий демон в длинном плаще и с опущенным капюшоном. Лица под ним не было видно. Я успела подумать, что он носит маску. Потом капюшон качнулся, и я поняла: лица там действительно нет – только гладкая, серая поверхность с едва намеченными очертаниями носа и рта.

Последний из шестерых сидел в нише библиотеки, встро-

енной в ярус. Узкие пальцы листали книгу. Казалось, он вообще не следит за торгом, но, когда очередная ставка срывалась с чьих-то губ, страница под его рукой сама собой переворачивалась. Значит, следил.

Шестеро.

Я ещё не знала, кто они такие. Но уже было ясно: именно вокруг них выстроена здешняя система власти.

– Полторы тысячи, – спокойно сказала Веридис.

– Две, – отозвался Кайрос.

– Две двести, – бросил кто-то из верхних рядов.

Люциан даже не повернул головы.

– Пять.

Тишина опустилась так резко, что я услышала собственный вдох.

– Пять тысяч? – недоверчиво переспросил аукционист.

– Пять тысяч, – повторил Люциан.

– Ты с ума сошёл, – сухо сказала Веридис.

– Возможно. Но крылья и интуиция редко меня подводят.

– Это всё равно глупость, – сказала она. – За человеческую девчонку, даже редкую.

– Не за девчонку. За источник.

Кайрос поднял руку, не отводя от меня глаз.

– Шесть тысяч.

– Семь, – мгновенно отозвалась Веридис.

И тогда впервые заговорил тот, кто сидел у стены с ножом.

– Довольно.

Он сказал это негромко, но звук будто ударил по камню. Торг оборвался.

– Малхус прав, – раздался голос из-под капюшона безликого демона. Он звучал странно: тихо, но словно сразу со всех сторон. – Если это нулевой источник, её нельзя отдавать одному.

Кайрос медленно повернул голову.

– Ты предлагаешь общий выкуп?

– Я предлагаю Дом, – ответил безликий.

Книга в руках того, кто сидел у встроенной библиотеки, захлопнулась сама.

– Впервые за семь столетий я согласен с Тенью, – сказал он.

Это был мягкий голос. Усталый. Красивый.

Шестеро переглянулись.

Только теперь я поняла, что торг был нужен не столько для продажи, сколько для решения спора между ними. Я была не просто вещью, за которую торговались чужие. Я была проблемой, от которой зависел политический баланс.

От этого стало не легче.

Скорее наоборот.

– Объясните, что происходит, – потребовала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Немедленно.

На мой вопрос ответил Кайрос.

– Ты случайно пересекла границу миров. По нашим законам это делает тебя собственностью Империи на тысячу лет.

– Это безумие.

– Для тебя – да.

– Я ничего не подписывала!

– Контракт заключают не подписью, а переходом. Граница – это печать.

– Я не признаю ваши законы.

Люциан рассмеялся.

– Смертные вечно думают, что признание нужно закону.

– Если её отдать одному, – продолжил Кайрос, будто моего возмущения не существовало, – остальные получают повод оспорить само право владения. Если её заберёт Дом Шестерых, Контракт закрепится на нас всех. Совет Старших не сможет вмешаться без войны.

– То есть вы спорите не о том, что мне делать, а о том, как использовать меня в ваших играх? – спросила я.

– Быстро учишься, – сказал демон с ножом. – Это хорошо.

– Нет, ничего хорошего! – крикнула я, делая шаг вперёд. Цепи на помосте звякнули под ногами. – Вы меня похитили. Вы продаёте меня. Вы говорите о тысяче лет так, будто я уже мертва. Я человек!

Малхус окинул меня странным взглядом. Не насмешливым. Изучающим.

– В этом и проблема.

– Дом Шестерых, – объявил аукционист, видя, что решение принято. – Общий выкуп. Семь тысяч. Зафиксировано.

Цепи вокруг помоста вспыхнули багровым. В воздухе по-

явился свиток – старый, с красной печатью и чернеющими от жара строками. Я не знала языка, но понимала каждое слово так, будто текст переводился прямо мне под кожу.

«Существо, именуемое Алисой Сергеевной Волковой и происходящее из нулевого мира, передаётся Дому Шестерых на срок Контракта. Дом отвечает за сохранность сосуда, использование источника, соблюдение установленных законом пределов и назначение взыскания за попытку побега. Срок – тысяча лет. Если воля останется несокрушённой, право власти обратится вспять».

Я перечитала последнюю строку и уцепилась за неё, как утопающий за обломок доски.

– Что значит «право власти обратится вспять»?

Ответила Веридис:

– Это означает, что если через тысячу лет ты не сломаешься, закон даст тебе право судить нас.

– Судить? Хозяев?

– Бывших хозяев, – уточнил Кайрос.

Тишина на этот раз была другой.

Ужас не исчез. Но рядом с ним родилось нечто более холодное.

Математика.

Тысяча лет – немыслимо. Но немыслимое тоже можно пережить по одному дню. Если в конце есть дверь.

– Я не подпишу, – сказала я.

– Уже поздно, – мягко отозвался Эзра, тот самый демон с

книгой. — На печати твоя кровь. Её взяли в момент перехода.

Я посмотрела на собственную ладонь. Там действительно тянулся тонкий порез, которого я раньше не заметила.

— Значит, всё? — спросила я. — Просто так?

— Нет, — сказал Кайрос. — Теперь начнётся самое трудное.

Кайрос сказал это так, будто речь шла не о первой неделе плена, а о входе в механизм, который существовал задолго до всех нас и переживёт ещё не одну войну. Я тогда не понимала даже азбуки этого мира, но позже выучу главное: Контракт держался не на одной печати и не на одной крови. У него было четыре круга.

Первый круг — сам факт перехода. Если душа пересекала границу между мирами через имперский разлом, закон уже считал её затронутой, даже если переход был ошибкой. Второй — Дом, на который такую душу записывали. Дом получал не только право владения, но и обязанность обеспечивать сохранность сосуда, полезность источника и защиту равновесия Империи от чужой силы. Третий — личные права тех, кто входил в Дом и был вписан в протокол доступа. Четвёртый — воля самого источника. Самый слабый из кругов. И именно поэтому самый опасный для всей конструкции, если вдруг не исчезал до конца.

Тогда мне этого, конечно, никто не объяснил человеческим языком. Но позже я пойму: Малхусу по закону поручались моё телесное выживание и обучение. Эзре — знания, архивы, иллюзии и всё, что касалось памяти Империи. Те-

ни – моя внутренняя целостность, потому что без неё источник распадался раньше, чем успевал принести хоть какую-то пользу. Веридис отвечала за ритуалы, медицину и храмовую чистоту протокола. Люциану полагались те контуры силы, которые в Империи относили к телу, желанию и эмоциональному кормлению, – но не раньше дозволенного срока. Кайрос держал время, юридическую непрерывность и самую опасную часть любой клетки: объяснение, почему она вообще считается порядком.

Совет Старших вмешивался, только если Дом нарушал равновесие слишком явно или если источник становился политической угрозой. Всё остальное оставляли внутри Дома, будто власть, разделённая на шестерых, от этого становилась не менее жестокой, а более надёжной.

И всё же даже у меня оставались крошечные, почти незаметные точки влияния. Я могла отказываться от добровольных формул. Могла не отдавать имя сверх того, что уже было украдено переходом. Могла менять смысл отдельных ритуалов, если успевала потребовать точной записи принуждения. Могла – теоретически – дожить до конца срока и обратиться право вспять. Империя презирала человеческую волю. Но именно поэтому не умела до конца предсказывать, что случится, если воля не исчезнет.

Последние слова Кайрос произнёс не злорадно. И именно это напугало меня сильнее всего.

Потому что в его голосе не было желания причинять боль.

Только уверенность того, кто знает порядок вещей и действует внутри него без колебаний.

Торги закончились.

Но мой плен только начинался.

Глава 3. Дом Шестерых

Меня не повели в подвал и не бросили в клетку.

По какой-то нелепой логике это оказалось даже страшнее.

Через длинные галереи, где между колоннами струились красные огни, меня привели в западное крыло дворца и остановили перед двустворчатой дверью. Она была вырезана из чёрного дерева. На створках переплетались ветви и змеи, а в центре красовался герб: шесть соединённых колец, прошитых одной линией.

– Твои покои, – сказала Веридис. Она лично сопровождала меня от амфитеатра, и от этого у меня неприятно тянуло под рёбрами. – До особого распоряжения ты живёшь здесь.

Пока мы шли по западному крылу, я впервые по-настоящему увидела дворец, в котором мне предстояло провести срок, превосходивший всё доступное моему воображению протяжение человеческой истории. Он не был похож на замок из книжек, где мрак служит декорацией. Здесь всё действительно строилось для существ с другим телом, другой скоростью и другой мерой дозволенного. Потолки были слишком высокими не из роскоши, а из расчёта на крылья, рога, тёмные вспышки магии и привычку занимать пространство без оглядки на чужое удобство. Лестницы проектировали так, будто никто и не думал о человеческом шаге; поручни заканчивались там, где у человека только начина-

лась потребность в опоре; окна выходили не в привычный внешний мир, а в багровую глубину, словно здесь вовсе не существовало идеи защищённого горизонта.

Крыло пахло не пылью, как старые дома на Земле, а воском, нагретым камнем и чем-то ещё – будто дождём по железу, если железо пролежало тысячу лет под чужой молитвой. В нишах стояли статуи древних существ с человеческими лицами и слишком нечеловеческими позами. Между колоннами тянулись тёмные гобелены, на которых не битвы изображались, а договоры: рука над чашей крови, нити, связывающие шестерых, дерево, корнями врастающее в грудную клетку мира. Даже искусство здесь не рассказывало о красоте отдельно от власти.

И всё же дворец не был безобразным. В этом заключалась одна из первых подлостей Империи. Она умела быть прекрасной. Чёрный камень в свете синих факелов сиял, как отполированный обсидиан. Металл на створках дверей вился тонкими ветвями, будто сам вырастал из дерева. Багровая тьма за окнами не просто пугала – она завораживала, как глубокая вода ночью. Если бы я попала сюда не как купленный товар, а как туристка, которой всю жизнь не хватало настоящего чуда, я, возможно, задохнулась бы от восторга. Ад очень рассчитывал на эту слабость любого пришлого существа: сначала дать глазам привыкнуть к красоте, а уже потом объяснить её цену.

Она открыла дверь.

Комната была огромной. Высокие окна, за которыми висела багровая темнота. Кровать с тёмным балдахином. Камин. Стол у стены. Книжный шкаф. Купальня за полуоткрытой дверью. Всё выглядело слишком роскошно для камеры и слишком чуждо для дома.

– Что это? – спросила я.

– Твои покои.

– Вы издеваетесь?

– Отчасти, – сказала Веридис. – Но не сейчас. У роскоши та же функция, что и у цепи. Она заставляет забыть, что дверь всё равно заперта.

С этими словами она щёлкнула пальцами. На пороге появилась служанка с серой кожей и пустыми глазами. Её губы были сжаты в неестественно прямую линию.

– Иллира будет приносить еду, одежду и всё необходимое, – сказала Веридис. – Не пытайся использовать её против нас. Язык ей вырвали задолго до тебя.

Иллира не вздрогнула. Не отвела глаз. Только чуть склонила голову.

– Зачем вы это сделали? – вырвалось у меня.

– Я – нет. Но не обольщайся, человеческая девочка: здесь молчание часто выживает дольше речи.

Она развернулась, но у самой двери остановилась.

– Сегодня твоя первая ночь по Контракту.

У меня по позвоночнику словно прошёл ледяной нож.

– С кем?

– Не с тем, кого ты боишься.

– А кого я должна бояться?

Веридис улыбнулась уголком губ.

– Скоро научишься различать оттенки ужаса.

Дверь закрылась.

Я осталась одна – если не считать Иллиры, которая бесшумно двинулась к шкафу и начала выкладывать на кровать чёрную рубашку, полотенца и тонкую белую сорочку.

– Нет, – сказала я. – Даже не думай.

Она повернулась ко мне. В её пустых глазах не было ни злобы, ни жалости – только усталое знание того, что некоторые вещи происходят независимо от желания.

Я сделала шаг назад.

– Не трогай меня. Я сама.

Иллира кивнула и указала на купальню.

Я вошла внутрь, заперла дверь и прислонилась к ней спиной. На несколько секунд мне удалось удержать дыхание ровным. Потом колени подлומились.

В купальне всё было из чёрного камня с золотыми прожилками. В огромной ванне клубился пар. На полках стояли сосуды с маслами, мылом, какими-то солями. На полу лежали мягкие тёмные ковры.

Я смотрела на это великолепие и понимала, что плачу не от страха, а от бессильной злости.

На Земле роскошь означала праздник, успех, чью-то завистливую мечту. Здесь она была частью подчинения. Мне

давали тёплую воду, чистое бельё, мягкую постель не потому, что уважали, а потому, что неповреждённый товар стоит дороже сломанного.

Я села прямо на пол.

Перед глазами вспыхнуло мамино лицо под дождём. Я не знала, сколько времени на самом деле отделяло меня от увиденного: на Земле могла пройти минута, а показанный зеркалом миг мог ещё не наступить. Но мама уже искала меня — или неизбежно начнёт искать. От этой мысли стало только хуже.

Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать.

Паника накатывала волнами. Каждая казалась последней, смертельной, но после неё приходила новая. Я сидела так долго, что пар над водой поредел, а сама вода остыла до просто горячей.

Потом я разделась и опустилась в воду.

Жар обжёг кожу. Не просто неприятно — почти болезненно. Но вместе с этим я впервые почувствовала своё тело настоящим. Оно было целым. Живым. Мой пульс бился в горле и запястьях.

«Они купили тело», — подумала я.

Мысль пришла неожиданно ясно.

«Но душу — нет».

И именно на этой мысли я заставила себя дышать ровно.

Когда я вышла из купальни, Иллира уже исчезла. На кровати лежала тонкая белая сорочка. Я посмотрела на неё, по-

том на своё серое худи, грязное после двора и портала.

Выбор был смешон и всё-таки важен.

Я надела худи.

Пусть хоть что-то на мне будет моим.

Тень возник беззвучно.

Окно не открывалось. Дверь не скрипела. Но когда я подняла голову от кровати, он уже стоял у стены, как будто всё это время был частью темноты и просто наконец отделился от неё.

Высокий. В длинном плаще. Капюшон низко натянут. Лица не видно.

Я встала.

– Не подходи.

– Мне придётся.

Голос его звучал тихо, но странно объёмно, словно исходил не только из тела, но и из самого воздуха.

– Если это должно быть... – Я сглотнула. – Если это та самая ночь, я не буду кричать.

Он замер.

– Я не за этим пришёл.

– А за чем?

– Узнать, выдержит ли твой сосуд остальных.

В другой ситуации я бы, наверное, рассмеялась от абсурдности формулировки. Но сейчас каждое слово скребло по нервам.

– И как ты собираешься это делать?

– Прикосновением.

– Только прикосновением?

– Только им.

Я не верила. Разум, перенасыщенный ужасом, не мог поверить в ограничение, которое не обещало немедленной боли. Но в его голосе не было ни насмешки, ни голода. Только усталость. Старая, тяжёлая усталость.

– Хорошо, – сказала я. – Но если ты солжёшь...

– Тогда ты узнаешь это слишком поздно.

Честность ответа почему-то успокоила больше любого обещания.

Он подошёл ближе и снял капюшон.

У него действительно не было лица.

Не маска. Не шрам. Не тень. Просто гладкая серая поверхность с едва намеченными впадинами там, где должны быть глаза, нос и губы. Смотреть на неё было невыносимо, но отвести взгляд – невозможно.

– Ты... – Я осеклась.

– Знаю.

– Больно?

Он чуть наклонил голову. Если бы у него были брови, я бы решила, что он удивлён.

– Это первый вопрос, который ты задала бы мне, будь у тебя меньше страха.

– Я спросила его сейчас.

– Да. Больно.

Он протянул руку.

Пальцы были длинные, холодные, почти прозрачные.

– Сядь, Алиса.

Я села на край кровати. Он коснулся моего запястья – и мир исчез.

Никакого света. Никаких звёзд. Только резкий провал внутрь себя.

Я увидела мамину кухню. Потёртый стол. Пар над кастрюлей. Старый магнит на холодильнике. Услышала смех подружки. Почувствовала летний асфальт под коленями, когда мне было девять и я училась кататься на роликах. Вспомнила запах папиной куртки. Его уже много лет не было рядом, но память всё равно хранила этот запах.

Образы сменяли друг друга быстро, болезненно. Хорошее перемешивалось с плохим. Детский страх темноты. Первая школьная влюблённость. Ссора с мамой. Её слёзы на кухне, когда она думала, что я не вижу.

– Хватит, – выдохнула я.

– Это не я, – сказал Тень. – Это ты.

– Убери это.

– Если убери, другие сожгут тебя быстрее. Ты держишься памятью. Я должен понять, на чём стоит твоя воля.

Я попыталась вырвать руку.

Не смогла.

Сцены потемнели. Двор, багровая щель, голос: «Не та душа». И поверх всего – ледяное знание: если я отпущу память

о себе, здесь меня соберут заново по чужому чертежу.

– Достаточно, – повторила я уже твёрже.

Тень убрал руку.

Комната вернулась. Камин. Кровать. Багровая темнота за окном.

Я тяжело дышала, будто пробежала километры.

– Что ты понял? – спросила я.

– Что ты держишься не на гордости.

– А на чём?

– На привязанности. На любви. На стыде из-за того, что ты не успела сказать близким нужных слов. Такие ломаются не от боли, а от пустоты.

Мне не понравилось, как точно он это произнёс.

– Передай своим, что я не дам им ничего.

– Уже дала, – сказал он. – Структуру.

– Ты работаешь на них.

– Я принадлежу тому же Дому, что и ты.

Это прозвучало не как признание близости, а как констатация общей несвободы. Я не успела обдумать, что это значит, потому что он уже поднялся.

– Первая ночь окончена.

– И всё?

– Для меня – да.

– А для остальных?

Он натянул капюшон.

– У каждого из нас свой способ брать. Я пришёл узнать,

что может удержать тебя от распада. Это поможет тебе выжить.

– Почему ты вообще хочешь, чтобы я выжила?

На секунду он замолчал.

– Потому что тысяча лет – слишком долгий срок, чтобы смотреть, как кто-то гаснет в первые месяцы.

И он исчез.

Не растворился эффектно, не рассыпался дымом. Просто оказался уже не здесь, будто пространство решило, что хватит и этой встречи.

Я снова села на кровать и долго смотрела в одну точку.

«На любви. На стыде. На привязанности».

Он сказал это так, будто прочитал меня до швов.

Но в одном он ошибался.

Да, я держалась на памяти о маме.

Да, меня пугала пустота.

Но теперь поверх этого во мне появилось ещё кое-что.

Упрямство.

Чистое, злое, человеческое.

Если конец срока действительно существует, я доживу до него.

Даже если каждый день здесь будет стоить мне куска кожи.

Глава 4. Первые ночи

Следующим утром меня разбудил не крик и не цепи, а запах корицы.

Это утро оказалось первым, когда ад позволил себе роскошь не обрушивать на меня немедленный ужас. И именно это было сильнее. Если бы меня разбудил лязг цепей, если бы у кровати ждали дыба или ритуальный нож, сознанию было бы проще. Мир бы подтвердил: да, тебя похитили, дальше будет только насилие, никаких сложностей. Но вместо этого – корица, тёплый хлеб, неподвижное пламя свечи, мягкое одеяло и багровая тьма за стеклом, похожая на августовское небо, затянутое грозой. Ад начинал не с пытки, а с соблазна привыкнуть.

Это было настолько нелепо, что я несколько секунд просто лежала, не открывая глаз. На Земле так пахли булочки из маленькой пекарни возле остановки. Мы с мамой иногда заходили туда по субботам. Здесь, во дворце демонов, корица не вписывалась ни во что.

Я села.

На столе у окна стоял серебряный поднос. Хлеб, масло, миска с чем-то вроде каши, кувшин воды и две маленькие тёплые булочки. Рядом – Иллира, неподвижная, как тень.

– Ты это испекла? – спросила я.

Она кивнула.

– Зачем?

Она слегка пожала плечами и указала на поднос: ешь.

Желудок свело. Я не помнила, когда в последний раз ела. Кажется, ещё у подруги, перед тем как идти домой. В другой жизни. В другом теле.

Я взяла булочку и откусила слишком быстро, обожглась и рассмеялась сквозь неожиданно выступившие слёзы.

Иллира смотрела спокойно. Без жалости.

Может быть, именно это и удержало меня от истерики.

Позже, уже после завтрака, я подошла к окну и впервые стала так долго разглядывать внешний двор, словно от этого зависело, останусь ли я собой. Под окнами моего крыла лежала площадка из чёрного камня, исчерченного тонкими серебряными жилами. В центре бил фонтан: из его чаши поднималась не вода, а тёмная жидкость, слишком тяжёлая, чтобы быть водой, и слишком живая, чтобы казаться просто магией. По дальнему краю двора тянулись аркады, за ними виднелись мосты и башни, а ещё дальше, сквозь просвет между шпилями, – столица, уходившая слоями вниз и в стороны. На Земле города стараются подчинить рельеф себе. Здесь сам рельеф был частью власти: всё располагалось так, чтобы кто-то всегда находился над кем-то, и эта иерархия читалась даже в архитектуре.

С высоты западного крыла мне были видны люди и существа, которым не полагалось знать, что за ними наблюдают. Слуги несли подносы. Писцы, закутавшись в плащи, спешив-

ли через мокрый двор. Две демоницы в тонких масках спорили у лестницы, и по тому, как резко одна из них дёрнула плечом, я поняла: ревность живёт в аду не хуже, чем у нас. Стража сменялась без суеты, с отточенной точностью, смысл которой я только начинала понимать. Никто не делал лишних движений. Даже случайность здесь казалась разрешённой дозой хаоса внутри чётко очерченной системы.

Иллира всё это время оставалась рядом. Я видела её руки – сухие, узкие, в белёсых шрамах. Видела линию шеи, на которой едва заметно пульсировала вена. Видела опущенные ресницы над пустыми глазами. И впервые подумала не только о себе. Ад держался не на шестерых красивых демонах, а на тысячах таких, как она: отученных смотреть прямо, озвучивать собственные желания и верить, что молчание когда-нибудь кончится. Эта мысль засела во мне занозой. Пока я была сосредоточена только на своём ужасе, Империя казалась личной бедой. Но стоило увидеть служанку с вырванным языком и ровной, слишком отработанной походкой, как эта беда вдруг выросла до масштаба целой системы.

Позже, через многие годы, я не раз вернусь к этому утру как к началу самого опасного процесса. Не любви. Не сопротивления. Узнавания. Мир, который сначала хотел казаться просто чудовищем, постепенно оказывался сложнее: с хлебом по утрам, с садами под куполами, с упрямой бытовой жизнью, с прислугой, храмами, музыкой, запахами и погодой. И именно потому бороться с ним окажется так трудно.

Ломать абстрактное зло почти приятно. Бороться с живой цивилизацией, в которой кто-то варит кашу и следит, чтобы булочки не подгорели, – совсем другое дело.

День прошёл в молчаливом знакомстве с дворцовым крылом, которое мне теперь разрешалось покидать только с сопровождением. Две тени-стражи шли на полшага позади, пока я бродила по галереям. Я увидела сады под стеклянными куполами, двухэтажную библиотеку, маленький внутренний двор с чёрным фонтаном и длинную столовую, где еда уже была разложена по столам, будто хозяева просто задерживались.

Нигде не было решёток.

Нигде – явной тюрьмы.

И от этого ощущение несвободы делалось только плотнее. У клетки без прутьев самый надёжный замок – осознание, что все выходы всё равно не для тебя.

К вечеру меня вызвал Кайрос.

Его покои находились в восточном крыле, и это место словно принадлежало другому дворцу. Здесь было больше дерева, больше света от ламп, больше книг и карт. На стенах висели изображения городов, которые я узнала не сразу: Токио, Париж, Санкт-Петербург. Земля.

Он ждал меня у длинного стола, заваленного бумагами, кристаллами и старинными песочными часами разных размеров.

– Садись, – сказал он.

– Я предпочла бы стоять.

– Как хочешь.

Он не настаивал. Это настораживало сильнее приказа.

– Зачем я тебе?

– Не мне. Дому.

– Не притворяйся, будто между вами нет разницы.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

– Уже ищешь трещины в конструкции. Это разумно.

– Я ищу выход.

– Выход есть. Через тысячу лет.

– Не смешно.

– Я не шучу.

Кайрос подошёл к карте, закреплённой на стене. Она изображала мир, которого я не знала: шесть тёмных провинций вокруг огромного пустого центра, горные цепи, подписи на странном языке, который я почему-то понимала.

– Тёмная Империя держится на Древнем Контракте. Он регулирует не только рабство. Он регулирует само равновесие между нашими Домами и Советом Старших. Случайные души из других миров – редкость. Нулевые источники – почти легенда.

– И что это значит по-человечески?

– Что твоя энергия не окрашена нашей магией. Ею нельзя питаться бесконечно. Её можно только распределить или сломать.

– А если не сломать?

Он посмотрел прямо на меня.

– Тогда Контракт изменится.

– В мою пользу.

– Формально – да.

– А неформально вы сделаете всё, чтобы этого не случилось.

– Некоторые – да.

– А ты?

– Я ещё не решил.

Ответ был настолько честным, что мне понадобилась секунда, чтобы его переварить.

– Зачем тогда рассказываешь?

– Потому что не люблю управлять теми, кто не понимает правил игры.

– Я не хочу играть.

– Это роскошь, которую ты уже потеряла.

Он подошёл ближе и положил на стол передо мной тонкий металлический браслет. Чёрный, без застёжки, с едва заметной руной внутри.

– Надень.

– Зачем?

– Переводчик. Защитный якорь. И одновременно средство контроля, если от честной формулировки тебе станет легче.

Я не двинулась.

– Если я откажусь?

– Тогда не сможешь читать документы, книги и половину наших заклинаний. И дворец будет реагировать на тебя как на нераспознанный объект. Это опасно.

– Для меня или для вас?

– Для всех.

Я взяла браслет. Металл был тёплым. Стоило надеть его, как руна на внутренней стороне вспыхнула и погасла. Браслет сомкнулся на запястье, точно подогнавшись по размеру.

– Теперь ты сможешь понимать больше, – сказал Кайрос.

– И дворец будет понимать, где ты.

– Замечательно. Красивый поводок.

– Предпочитаешь кандалы?

– Предпочитаю свободу.

– Я тоже, – неожиданно спокойно сказал он.

На это мне было нечего ответить.

В тот же вечер я впервые увидела Люциана по-настоящему.

Он появился на балконе моих покоев, когда за окном уже сгущалась багровая ночь, если это вообще можно было назвать ночью. Я услышала хлопок крыльев, повернулась – и увидела его сидящим на каменных перилах, будто так и надо.

– Ты хоть иногда пользуешься дверями? – спросила я.

– Когда хочу показаться вежливым.

Он спрыгнул внутрь легко, как большая кошка. На нём были только тёмные штаны и распахнутая рубашка. Под светом камина шрамы на его коже выглядели старыми, белыми,

почти красивыми – если бы шрамы вообще могли быть красивыми.

– Что тебе нужно?

– Посмотреть, что за чудо досталось нам благодаря Кайросу.

– Меня купили не ему одному.

– Я первым назвал цену, – напомнил он. – Значит, право первым оценить тебя принадлежит мне.

– Посмотрел? Уходи.

Люциан рассмеялся.

– Как же ты быстро научилась огрызаться. Обычно на этом этапе люди плачут.

– Обычно? Ты часто таскаешь сюда людей?

– Не людей. Источники.

Он обошёл меня кругом, не касаясь. И именно в этой намеренной дистанции было что-то более интимное, чем в прямом прикосновении. Он будто давал мне почувствовать расстояние между нами – короткое, условное, полностью зависящее от его решения.

– Инкубы, – сказала я, вспоминая шёпот в зале аукциона, – питаются желанием.

– Не только желанием. Страхом, тоской, голодом по близости. Но желание вкуснее всего.

– Тогда тебе здесь нечего есть.

– Ошибаешься, Алиса. У страха очень насыщенный привкус.

Он остановился напротив.

– Твой законный ритуал со мной – через год. Но пока мы можем просто поговорить.

– С чего бы?

– Потому что нет ничего соблазнительнее для инкуба, чем человек, который уверен, будто неподвластен соблазну.

Я сложила руки на груди.

– А нет ничего отвратительнее, чем демон, который считает людей игрушками.

Улыбка медленно исчезла с его губ. В чёрных глазах мелькнул сосредоточенный интерес, уже не похожий на хищный.

– Хорошо, – сказал он. – Значит, год будет любопытным.

– Для тебя, может быть.

– Для нас обоих.

Он ушёл так же, как пришёл, – через балкон. Только запах серы и тёплого дыма ещё долго держался в комнате.

На следующей неделе в мою жизнь вошёл Малхус.

Не ночью. Днём.

Я пыталась пройти по галерее одна, надеясь, что те ни-стражи отстанут хотя бы на пару шагов. Не отстали. Зато в одной из арок меня уже ждал Малхус.

Он сидел на низкой каменной скамье, вращая в пальцах короткий нож. Светлые волосы, алые глаза, широкие плечи. Вблизи он казался моложе Люциана, хотя я знала, что для таких существ слово «моложе» ничего не значит.

– Садись, – сказал он.

– У вас это любимое слово? – спросила я, но всё-таки села на другой край скамьи. Стражи остались стоять поодаль.

– Я люблю простые команды.

– А я – нет.

– Уже заметил.

Он поиграл ножом ещё секунду, потом убрал его.

– Боишься боли?

– А ты на что ставишь?

– На правду.

Я не ответила сразу.

– Да, боюсь, – призналась наконец. – Только ненавижу, когда мне напоминают, что я её боюсь.

– Хороший ответ.

– Зачем спрашиваешь?

– Потому что с теми, кто совсем не боится боли, работать бесполезно. Они безумны или лгут.

– А ты, значит, собираешься со мной работать?

– Если хочешь выжить – да.

Он поднялся и кивнул в сторону тяжёлой двери в конце галереи.

За ней оказался тренировочный зал. Каменные стены, песок, столбы, цепи, оружейные стойки. У меня внутри всё сжалось.

– Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.